

• 1 •

«ТРИ ИВАНА»

Саженного роста негр в обтягивающем атлетическую фигуру заморском трико быстро выкинул вперед правый кулак. Рыжий крутоплечий бородач замер на секунду, голова его дернулась назад, ноги подкосились. Готов...

Распластавшееся тело оттащили в сторону, негр оскалился, окинул веселым уверенным взглядом собравшуюся толпу.

— Ну, кто ешшо? Выходи на честной бой! Не бойсь, православные, негра до смерти не убьет, он удар чувствует, какому мужчине какой отвесить по чину. Кто тут есть смелый? Бой по правилам аглицкаго боксу, на кону пя-а-тьдесят рублей, кто черного победет, тот деньги и унесет!

Мужичонка в синем картузе ходил по кругу, образованному зрителями во дворе нового доходного дома на Ближней Рогатке, и потрясал сложенным в кулаке банковским билетом, тщетно вызывая смельчаков. Разномастная, из простого люда сбитая толпа гудела, поджывая сама себя, но в круг никто ступить не решался.

Больно уж ловко чертяка-негр укладывал самых-самых силачей увесистыми кулаками. Двух уже отвели, а одного так и отнесли к дровнику. Даже Степана Вагина черный бес завалил, сильнейшего в Питере ломового извозчика! Кто ж теперь, после такого, решится?

Негр, разгоряченный боем, поднял руки, что-то гортанно прокричал. Что — непонятно, но для общества явно обидное. Народ засвистал, заулюлюкал, пьяные плечистые парни крикнули из задних рядов в ответ, чем они сейчас гостя порадуют. Однако с места никто не сдвинулся. Публика, поняв, что дураки кончились и потехи больше не будет, начала уже расползаться, весело матерясь, как вдруг из подворотни что-то колыхнулось. Толпа рванула назад. В центре ее, выходясь над всеми — башня, вразвалку, неспешно шел гигант с русой бородой, русыми волосами и сочными голубыми глазами на мужественно-красивом лице. Однако при всей своей писаной красоте улыбался он как-то нехорошо, и вообще от всей его фигуры, от гордо-ленивой осанки веяло чем-то грозным и недобрым.

— Пересвет пришел! Пересветушко сейчас этой облизьяне покажет! — кричали вокруг синюшные от водки люди, плотным кольцом вновь окружая импровизированную арену. Мужик в синем картузе нахмурился настороженно, и так же подобрался негр-боксер, внимательно и оценивающе осматривая нового бойца. Плечи такие же, как у только что побитого Вагина, и ростом не выше, и так же самоуверен, но что-то есть в нем такое...

— Ну, валяй, арапская харя, кажи свой бокс.

Бойцы стали друг против друга. Негр принял стойку, подняв кулаки и выглядывая из-за них, как из укрытия; русак стоял спокойно, но смотрел зорко, готовый

ко всему, точно сжатая пружина. Толпа мгновенно затихла.

Негр сделал стремительный выпад, Пересвет отшатнулся, черный кулак просвистел слева направо прямо перед его носом.

— Левый свинг, не получился, — громким шепотом прокомментировал рослый студент своему не менее рослому товарищу. — Нам в Гимнастическом обществе показывали.

Негр постоял секунду, затем мгновенно сблизился с соперником и с невероятной скоростью нанес ему серию из четырех ударов, причем как минимум два из них попали в цель. Русак отскочил назад, недовольно затряс головой, из рассеченной губы его хлестала кровь. Толпа неодобрительно загудела.

— Апперкот прошел! Как же он не упал? — ахнул студент.

Негр, по-видимому, тоже этого не понял и смотрел на русака озадаченно. Зато тот сразу озверел.

— Ах ты, сволочь! Вот ты, значит, как! Ну, держись, каторга!

Пересвет надвинулся на негра, словно паровоз на кролика, хотя роста они были одинакового. Чернокожий боксер быстро-быстро замахал руками, пытаясь остановить эту гору мускулов, но русак будто не замечал эти страшные удары. Через секунду он прорвался к противнику, дернулось его правое плечо, раздался шлепок и какой-то противный хруст. Негр упал как подкошенный, Пересвет набросился на него и стал ожесточенно, со всей силы пинать, выцеливая сапожищами голову, лицо, висок. В наступившей тишине — народ от ужаса оцепенел — слышно было лишь пыхтение русака и глухие звуки ударов. Наконец Пересвет

успокоился, постоял секунду над поверженным телом, смачно плюнул, молча вырвал у мужика в картузе банковский билет и так же молча, вразвалку, удалился.

Толпа тотчас расступилась и исчезла, будто ее и не было. Посреди двора на вытоптанной траве осталось огромное черное распростертое тело с залитым кровью лицом, с нелепо вывернутой рукой; только «картуз», охая, причитал над ним.

— Вань, а что это был за удар? — спросил шепотом второй студент у первого.

— Пошли отсюда, — угрюмо ответил тот, и они быстро скрылись в арке.

— Как же это, православные? — всхлипывал мужичонка, беспомощно озираясь вокруг. — Убил ведь, черт яманный, Абдулку! Убил, без обману... Куда ж я теперь? И в полицию не сунешься...

Вечером того же дня, осмотрев труп несчастного негра в морге Александро-Невской части, Благово сказал Лыкову:

— Видишь, Алексей? Такой вот у них Пересвет. Представляешь, каков тогда Челубей?

На следующий день, в двенадцатом часу до полудня, Лыков сидел в трактире «Три Ивана», самом зловещем и грязном из всех трактиров Лиговки. На нем был среднего качества опрятный сюртук с Георгиевской ленточкой в петлице; картуз лежал по правую руку. Посолдатски тщательно начищенные, второго срока носки сапоги тускло блестели, ногти на руках пострижены, усы и короткая русая борода аккуратно подбриты. По виду Алексея всякий бы определил в нем вчерашнего служаку, но затруднился бы в определении звания. На офицера не похож, для фельдфебеля чересчур

молод, для унтера слишком самоуверен. Малый знает себе цену, и плечи у него о-го-го, сидит кум королю, но, видать, в прогаре, раз оказался в эдаком месте...

Лыков не спеша потягивал водку (взял сразу полуштоф¹), закусывая пирогом с визигой, и осматривался вокруг. В «Три Ивана» сыщики с давних уже пор не сошались. Четыре года назад, в семьдесят девятом, здесь, прямо у стойки, зарезали двух «наружников» с Офицерской, из сысского, а трупы подбросили на Калашниковскую набережную в пакгаузы. Облава была потом злая, но ничего не дала, а через три месяца сменился пристав, и дело закрыли. Сыскари с тех пор, затаив обиду, обходили «Иванов» стороной, чем вся лиговская шпанка страшно гордилась. Единственный представитель власти, рисковавший появляться здесь, был податный инспектор Сорока, хитрый хохол, пьянчуга и взяточник — лиговцы считали его своим, не опасались и не обижали.

Большое, на тридцать столов, помещение трактира было освещено довольно скупо, а клубы табачного дыма поддерживали вечные сумерки. В дальнем углу за стойкой возвышался крупный, пузатый и совершенно лысый мужик в фартуке, формальный хозяин заведения Прохор Демидыч. Он зорко оглядывал залу, одним движением бровей направляя в нужную точку или шустрого полового с грязным полотенцем на плече, или пару сурового вида вышибал. Дрались, впрочем, в «Иванах» не часто — хозяин больно строг, и при необходимости обмениваться любезностями обычно выходили на улицу. Но случалось всякое... Публика, по наблюдениям Алексея, была сплошь уголовная: си-

¹ *Полуштоф*, или *мерная бутылка*, — 0,6 литра.

дели только два-три спивающихся ханурика, простых обывателей не замечалось ни одного. Многие посетители трактира на вид были «деловые элементы», спокойные, уверенные и серьезные; они сидели кучками и вполголоса что-то обсуждали. Даже пили они как-то солидно, почти скучно. Еще больше было «красных», то есть воров — маровихеров, шниферов, мойщиков, глухарей¹; эти вели себя шумно, вольготно, многие уже пьяны в угар. Их столы, обсаженные марухами, густо заставленные бутылками, занимали большую часть зала, для них играл драный, с сизым носом, румын-скрипач. За одним из угловых столов сидели два серых человека и о чем-то шептались — не иначе, как блатер-каины, скупщики краденого, тырбанили слам². Прямо за спиной Лыкова два приятеля-маровихера, не выдавшиеся, почитай, с самого Томска, торопливо напивались; волей-неволей Алексей слушал их разговор, непонятный обычному человеку.

— ...Взял я тогда с верхового ширмана лопатошник, да бимбары еще...

— Нешто скуржавые?

— Ха! скуржавые! Бери, товарищ, выше — рыжие!

— Эх, барно!

— Еще бы не барно. Три собаки от съемщика, жидомора, получил! А в лопатошнике еще финажек на большую.

— На большую! — ахнул собеседник. — Ну, товарищ, тебе и подфартило! Ну и подфартило!

¹ *Маровихеры* — карманники, *шниферы* — ночные воровы, *мойщики* — обворовывающие спящих пассажиров, *глухарь* — грабящие пьяных.

² Делили украденное (*жарг.*).

— Ты слушай, что дальше было. Отлил я, сколько положено, тырщичу, да и всунулся на мельницу к Тимохе Огороднику. Ну и... тово... замазался. Укутался прям в полусмерть. Спойли меня у Тимохи пивом на окурках и раздели. Утром отверзел, смотрю — хрустов ни серса, как есть пустой, и даже пальтукан со двора свели!

— Да, братан, така наша жисть: был фарт, а стал локш.

— Вот-вот. Ну, пошел я по музыке — кумпол свиндит, грабки дрожат. Отлежаться бы мне, в спокойствие войти, а я уж духовой совсем заделался. Решил сей же час галье насунуть, штоб, значит, отбить все взад.

— На ширмака проехаться надумал!

— Точно! Ну, и облопался, конешно. Определили меня с бутором на Литейном.

— Подлипалы али добровольцы?

— Подлипалы, из первого участка, с Гагаринской улицы.

— Знаю, знаю, там майор Степовой командирит, строгий мужчина.

— Он самый, Николай Василич, отец родной. Сразу почал гнать под меня шары — я же с бутором!

— Банки ставил?

— Не то слово! Надрал когтями на полный завтрак! Миног наелся — счету нет. А все почему? Они мне прицеп повесить хотели, будто я избушку дяди Коли чи-станул, аржаны увел. Это я-то — честный маровихер! Фараонам для отчету надоть дело закрыть, а клюкаря изловить силенок не хватает; и решили на меня списать. А там срока совсем другие: не наши три с полтиной, а шесть лет за Буграми жигана водить!

— Да, ну ты влип. И как управился?

— Как-как... Я стойку держу. В индии три недели прожил, а как перевели в общую, я и смыслил лытки сделать, из хезника.

— Так ты от дяди, с цинтовки ушел! — восхитился второй вор.

— Оттель, оттель. Теперь сижу в долушке, как был пустой, бусаю на халтон, хожу жохом, совсем ракло стал. Паша-родский обещает к Троице в свою артель впустить, а пока... угости, товарищ, тарачкой!

(Предоставляем читателю самому сделать вольный перевод этой абракадабры, сообщим лишь ключевые слова: верховой ширман – наружный карман; лопатошник – бумажник; бимбары – часы; скуржавые – серебряные, рыжие – золотые; барно – хорошо, здорово; стемщик – скупщик краденого; финажки – кредитные билеты; большая – тысяча рублей; тырщик – помощник вора, толкающий и отвлекающий жертву; мельница – тайный игорный дом; замазаться – проиграть больше, чем имел; укутаться в полусмерть – проиграться полностью; хрусты – деньги, серсо – рубль, локи – неудача; идти по музыке – воровать; грабки – пальцы; духовой – отчаянный; насунуть галье – украсть деньги; проехаться на ширмака – на авось; облопаться – попасться; определить с бутором – взять с поличным; подлипалы – сыщички; гнать шары – готовить обвинительный материал; ставить банки – бить; надрать когтями на полный завтрак, есть миноги – быть битым плетью; избушка дяди Коли – Никольская церковь; аржаны – серебряные оклады икон; клокарь – вор, грабящий церкви; держать стойку – не сознаваться; индия – карцер; лытки – ноги; хезник – уборная; цинтовка – тюрьма; за бугры жигана водить – отправлять в Сибирь; долушка – тайный фритон; бусать на халтон – пить и есть на чужой счет; ходить жохом – быть в нужде; ракло – босяк; родский – старший вор; тарачка – папирота.

Читатель должен также понимать, что все диалоги уголовных должны звучать примерно так. Но, дабы не утомлять его слух, автор облагораживает их речь, изредка вставляя в нее лишь отдельные необходимые выражения из уголовного жаргона второй половины XIX века.)

Допивая второй стаканчик, Лыков заметил, что привлек к себе внимание одного из завсегдатаев «Трех Иванов» — замухрышки в драной паре, по виду шпанки из тех, что в тюрьме образуют свиту «делового элемента». Такой тип подпевал был Лыкову хорошо знаком — сейчас будет просить налить чарку...

И точно, драный уселся напротив, уставился на гостя наглými и одновременно трусливыми глазами и сказал, стараясь быть покровительственным.

— Слышь, кавалер! Налей-ка за знакомство!

Лыков, глядя сквозь него, нацедил себе еще полстакана и молча выпил.

Драный сразу окрысился.

— Ах ты... Вавило — свиное рыло! Пришел в чужой дом, да еще и хозяев не уважил! Сдается мне, паря, что ты «двадцать шесть»¹, слухач-старатель. Чтой-то я тебя здесь раньше не видел. Знаешь, что мы тут с такими делаем?

Алексей, не обращая на крикуна никакого внимания, лениво пережевывал визигу.

Сидящие вокруг начали на них оборачиваться, кто-то вполголоса сказал: «Тузик опять на выпивку зарабатывает, горлопан лиговский». Почувствовав поддержку, драный еще больше обнаглел и решил уязвить незнакомца побольнее.

¹ «Двадцать шесть» — сыщик.

— Ишь, егорьевскую ленту надел, а у самого рожа что огонь — хоть онучи суши. Поди, в трынку крест-то выиграл?¹

Все вокруг загоготали. Тузик, довольный собою, гордо озирался, как вдруг Лыков мгновенно схватил болтуна за ухо, перетащил вокруг стола к себе и другой рукой сильно защебил ему нос. Тузик завизжал от боли, как дворняжка, оправдывая свою собачью кличку; из разорванного носа хлынула красным ручьем кровь. Брезгливо вытерев руку об поддевку шпанки, Алексей развернул униженного врага к себе задом, не вставая, дал крепкого пинка и снова взялся за пирог. Все это он проделал, по-прежнему не говоря ни слова.

Отлетевший к порогу Тузик поднялся с пола и, скуля и размазывая кровь по лицу, выбежал на улицу. В «Иванах» стало тихо; тотчас же от стойки отделился один из вышибал, огромный детина, весь в оспинах и угрях, и решительными шагами направился к Алексею. Лыков спокойно лил водку себе в стакан, не обращая на него никакого внимания. Подойдя, верзила неожиданно схватил его двумя руками за пояс и, крикнув, легко поднял на воздух, оторвав от пола на поларшина. Придвинул к своему лицу и, густо дохнув табаком, сказал зло:

— Чего, язевый лоб, всегдаев обижаешь? Жили мы тут без тебя... А давно ли ты рылом хрен не пахал?

Алексей, болтаясь на весу, на секунду растерялся. Вышибала держал его, пятипудового, легко, словно ребенка, а весь зал с интересом наблюдал, чем все это закончится. Сам не раз проделывавший подобные но-

¹ *Трынка* — простонародная картежная игра, презираемая уголовными.

мера, Лыков оказался «на воздухе» впервые, но быстро собрался и с полузамаха обоими кулаками сильно ударил обидчика по ушам. На рябом лице детины мелькнуло удивление, он выпустил Алексея из своих ручищ, тот легко соскочил на пол и снова вернулся к своей бутылке. Вышибала, глупо выпучив глаза, постоял еще секунды две, потом молча, медленно осел перед Лыковым на колени. Зал еще ничего не понимал. Лыков покосился на стойку, лениво отпихнул угреватого носком сапога, и почти саженного роста детина без звука растянулся на заплеванном полу — он был без сознания.

Ближайшая к Алексею шпанка резво очистила скамьи, деловые по углам грозно нахмурились, кто-то торопливо метнулся на улицу — стать на стрему. В тишине, мягко ступая, подошел и сел напротив, как минуто назад Тузик, сам трактирщик Прохор Демидыч. Двинул бровью, и перед ним появилась рюмка. Лыков молча налил в нее из своей бутылки. Мужчины выпили, глядя друг на друга, затем хозяин вежливо спросил:

— Кто таков будете?

— Весь народ из одних ворот, — уклончиво ответил Алексей.

— От дяди?

— От него.

— С заячьей квартиры?¹

— Никак нет, вчистую с биркой².

Прохор Демидыч внимательно осмотрел крепко сбитую фигуру Лыкова и его явно не уголовный вид, подумал немного и задал новый вопрос:

¹ То есть беглый.

² С паспортом.

— Вы, кажись, не из этих... (Кивнул за спину на притихшую публику.) Брус? Четыреста восемьдесят четвертая, глядя по характеру?¹

— Без обдуманного намерения, в запальчивости, — пояснил Лыков. — Народ нынче хлипкий пошел, от щелчкадохнет.

— Видим мы, какие у вас щелчки, — неодобрительно сказал трактирщик, глядя, как начавшего приходить в себя вышибалу утаскивали волоком в соседнюю комнату. — В нашем заведении, позвольте вас спросить, что делаете?

— В вашем заведении, позвольте вам сказать, человеку водки спокойно выпить не дают всякие прощельги. Сижу себе, никого не трогаю, так на тебе...

— За Тузика извиняйте, мы ему опосля добавим за дерзость. Так что же, однако, ищете в нашем-то заведении?

Лыков оглянулся, трактирщик понял его, легко и быстро, как подросток, поднялся и кивнул в угол, где стойка.

— Позвольте вас угостить; вон там комнатка есть, в ней нам покойно будет.

Лыков пошел за ним, не забыв прихватить недопитую бутылку. Двое оставшихся в строю вышибал конвоировали его, настороженно наблюдая за каждым

¹ Ст. 1484 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» рассматривала смерть от увечья, нанесенного в драке. При смягчающих обстоятельствах (в запальчивости, без обдуманного намерения) предусматривала наказание до трех с половиной лет в исправительных арестантских отделениях. *Брус* — случайно попавший в тюрьму, не профессиональный преступник.

его движением. Алексей так им улыбнулся, что те отступили еще на шаг...

Хозяин провел гостя за стойку, в небольшую чистую комнату, из которой шумный зал почти не просматривался. В комнате было всего два стола, за один из них Прохор Демидыч и усадил Алексея. Усадил так, что дверь в дальнем углу оказалась у него за спиной. Лыков недовольно оглянулся на нее, посмотрел выразительно на хозяина, но тот распоряжался закусками, делая вид, что ничего не замечает.

Как по мановению волшебной палочки, на столе появились приборы польского серебра, а также балык, соленые рыжики, холодная белуга с хреном и горячая ветчина. Вдруг Алексей почувствовал сзади опасность и резко оглянулся. Дверь за его спиной бесшумно отворилась, в комнату тихо вошли и уселись за другой стол какие-то двое. Алексей вежливо их поприветствовал («здоровы будете»), но те не удостоили его ответом. Один из них был вчерашний красавец-волгарь Пересвет, нагло-самоуверенный гигант (Лыков узнал его по портретному описанию, что изучил в полицейской картотеке), второй оказался еще колоритнее. На полголовы выше Лыкова, с атлетичной, стройной фигурой и повадками силача и красавца, с выразительным лицом и умным внимательным взглядом, человек этот не потерялся бы в любой компании. Что он тут делает? Черты у него были русские, но с тонкой примесью какой-то восточной крови, и это делало лицо незнакомца еще интереснее. Что-то значительное было в этом человеке, что-то симпатичное, и одновременно он вызывал чувство опасности. Русский с татарскими чертами... Неужели тот самый Челубей, которого даже приблизительного портрета нет ни в одной картотеке?

С большим трудом Алексей заставил себя повернуться спиной к этим людям и сказал кабатчику с ухмылкой:

— Плохо все-таки в вашем заведении с манерами. Ты им «здрасьте», а они... Ну, нальем, что ли?

Он взялся было за принесенную с собой бутылку, но Прохор Демидыч отстранил ее и выставил на стол свою посуду — штоф темного стекла с изящным золотым ярлыком.

— Для такого гостя получше откроем.

Двойная померанцевая завода Штритера, отметил Лыков. Дорогая вещь, а главное, лимон любой вкус забьет. Вряд ли его хотят отравить — и опасно, и пока еще не за что; скорее собираются усыпить и обыскать.

— Выпейте, уважаемый, этого, в знак, так сказать, извинения, а я уж вашу допью, чтоб добру не пропадать.

И трактирщик быстро и ловко налил две рюмки: Алексею — померанцевой, а себе из его бутылки, и получилось у него это так естественно, что и нечего возразить.

— Позвольте представиться: Чулошников Прохор Демидович, здешний хозяин.

— Лыков Алексей Николаевич.

Мужчины встали, пожали друг другу руки, затем сели, выпили и принялись закусывать. Несмотря на лимонную горечь, Лыков сразу различил в водке пригорный вкус вератрина¹. Не пожалели добра, сволочи! Больше двух рюмок пить нельзя, опасно; падать надо уже после следующей...

¹ *Veratrin* — сильное снотворное, производное барбитуровой кислоты; в больших дозах смертелен.

Словно прочитав мысли сыщика, трактирщик сразу же налил еще по рюмке и спросил, чавкая ветчиной:

— А что пытаете в наших краях, Алексей Николаевич?

— Да вот службу ищу, Прохор Демидович. Человек я серьезный, с образованием, не в белые же дворники мне идти¹.

— Вестимо дело. А по какой части ищете? Да вы пейте, пейте!

Выпили по второй, в затылке у Лыкова заломило.

— Странная какая у вас померанцевая, аж с ног валит... А позвал меня в ваше заведение барон Флагге, который Тимофей Шелашов, в телохранители к себе зовет, — сказал, понижая голос и оборачиваясь, Алексей. — Меня, вы уж видели, силой-то Бог не обидел. А чего они там сидят за моей спиной? Не люблю я этого.

— Ничего, они нам не помешают, люди тихие, — успокоил трактирщик начавшего уже заговариваться Лыкова. Голос его доносился до Алексея откуда-то издали, глухо, словно из погреба. Сыщик потряс головой, и в ней ненадолго вновь прояснилось. — Трудно проверить ваши слова, Алексей Николаевич. Замели вчера Тимоху, барона-то нашего, и остались вы, значит, без службы.

Это была легенда, удачно придуманная Благово. Известный петербургский карточный шулер Шелашов, враждавший в полусвете и выдававший себя там за остзейского барона Флагге, всегда ходил с телохани-

¹ *Белый дворник* — слуга для тяжелых работ в доме (топка печей, вынос мусора и т. д.).

телем. Занятие у него было опасное, без этого нельзя... Четыре дня назад сыскные взяли на облаве Федьку Зобикова по кличке Зоб, охранника «барона», и тот принялся искать ему замену. А вчера под вечер взяли и Шелашова, за нарушение правил прописки и присвоение чужого звания (высылка на полтора года из столиц).

— Без службы... — вяло повторил вслед за трактирщиком Алексей, протянул было руку за третьей рюмкой, упрямо зажал ее в кулаке и так, вместе с ней, повалился на пол.

Он еще чувствовал, как два силача легко подняли его, унесли во внутренние комнаты, уложили на диван и стали обыскивать. Вынули из внутреннего кармана завернутые в чистую тряпицу паспорт, Георгиевский крест с двумя медалями, и приговоры: Думы знака отличия Военного ордена 161-го Александропольского полка и Думы знака отличия Св. Анны Кавказского отдельного корпуса.

— Гляди-кось, «вечность»!¹ — удивленно сказал Пересвет. — Так они у нас из благородных...

— Знаем мы эти «вечности», — недоверчиво пробурчал трактирщик. — Гусляки тебе за червонец такую малашку сделают, не то что в дворяне, в архиереи запишут².

— Нет, паспорт, похоже, настоящий, — прервал его Челубей. — А уж приговоры обеих Дум точно подлинные. Господин Лыков у нас потомственный дворянин

¹ «Вечность» — дворянский паспорт.

² Жители знаменитого преступного уезда Гуслицы, в числе прочих уголовных специальностей торговали поддельными паспортами и видами на жительство («малашками»).

из города Петрокова, крест получил за войну с турками на Кавказе. Как же он дворянином-то остался, после арестанских рот? Там же, помнится, «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ» следует. Или он не сидел?

— Разберемся, — коротко, но с угрозой в голосе сказал Пересвет, и на этом Лыков ухнул в глубокую, черную яму беспамятства.

• 2 •

НИЖЕГОРОДЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Павел Афанасьевич Благово и его помощник титулярный советник Алексей Лыков оставили свои должности в августе 1881 года. За полтора месяца до этого, 20 июня, молодой император посетил Нижний, чтобы участвовать в освящении собора Александра Невского, небесного покровителя как его самого, так и убитого бомбистами отца. В феврале этого страшного, омрачившего всю страну года в ледяных подвалах собора разыгралась кровавая драма. На Александра Второго готовилось очередное покушение, причем в этом случае — дело, доселе неслыханное, — «Народная воля» призвала на помощь уголовных. Узнав, что нападение должно состояться во время приемки осмотра императором храмовых иконостасов, Благово попытался спасти своего монарха.

В тот раз государя удалось уберечь, но дорогой ценой. Какая-то невидимая, но мощная сила расчищала убийцам путь в подвалы собора, чтобы произвести оттуда покушение. Погибали при загадочных обстоя-

тельстввах сыщики и их осведомители, был изгнан из охраны императора лучший офицер военной разведки ротмистр Таубе. Затем проломили голову самому Благово, и предотвращение покушения легло на плечи двадцатичетырехлетнего Алексея Лыкова. Кульминацией стала бойня в подвалах под собором, в ходе которой злоумышленники были перебиты, убежал только знаменитый Фроленко, сидящий ныне в Петропавловской крепости. Все трое защитников государя, спустившиеся тогда в подвальную тьму, пролили свою кровь. Легче всех отделался Лыков: броневой панцирь под шинелью спас его от смерти, контузия в голову и простреленная ключица не в счет. Ротмистр Таубе получил два ранения, каждое из которых доктора назвали смертельным, но каким-то чудом барон выжил и даже не стал инвалидом. Старый же друг Алексея Федор Ратманов по кличке Буффало, отошедший от прежних опасных своих занятий, женившийся и начавший наконец мирную торговую жизнь, был убит наповал.

Когда вечером 1 марта, сидя дома с плохо заживающей рукой, Лыков узнал от прибежавшего курьера об убийстве в столице императора, он впервые в жизни заплакал. Получалось, что он втянул в свое полицейское дело, за которое ему платили жалованье, мирного статского человека, погубил его этим, и все зря...

Россия оцепенела от ужаса, и даже известный своим твердым характером молодой император сделал беспрецедентный шаг. Пока озверевшие полицейские выкуривали уцелевших террористов из их явочных квартир, Александр Третий вступил в заочные переговоры с зарубежными руководителями бомбистов. По поручению графа Воронцова-Дашкова, личного друга императора и начальника его охраны, в Жене-

ву приехал некий доктор Нивинский. Он встречался с самим Лавровым и привез в Питер написанный им манифест «Народной воли» с пунктами, на которых возможно перемирие с властью. Следом за ним в Париже появился Николай Николадзе, грузинский публицист и общественный деятель, либерал, умный и покавказски эмоциональный человек. Он пообщался со Львом Тихомировым, самым крупным народовольцем из тех, кто к тому времени еще не попал в крепость или на эшафот.

Николадзе прибыл в Женеву, чтобы предложить всесильному Исполнительному комитету выдвинуть условия, на которых тот хотя бы временно, до коронации, согласен прекратить террор. Тихомиров сразу понял, какая удача плывет ему в руки. Правительство, потрясенное цареубийством, не успело еще понять, что силы партии надорваны и ее остается только добить. После длительных переговоров было решено, что власть объявляет общую политическую амнистию, свободу печати, социалистической пропаганды, свободу обществ и освобождает немедленно одного важного политического преступника в доказательство искренности своих намерений. Кого именно освободить, Лев Александрович придумать не смог, отдал это на откуп Николадзе, и тот сам решил, что лучше всего отпустить Чернышевского... Не забыли и о злате-серебре. «Какое-нибудь благонадежное третье лицо в Париже» должно было задепонировать на своем счете миллион рублей залога и возвращать их частями в Россию по мере выполнения правительством взятых на себя обязательств, а в случае невыполнения передать Исполнительному комитету. Так бы эта торговля на крови и состоялась, но в это время гениальный сыщик Судейкин

арестовал в Одессе отставного штабс-капитана Сергея Дегаева, который и сообщил властям об истинном, жалком положении якобы всесильной партии. Николадзе был немедленно отозван в Россию...

К этому времени в воцарившемся хаосе начали закладываться первые камни будущего порядка. 15 апреля директором Департамента государственной полиции вместо бестолкового барона Велио (перелицованного в полицейские из главных почтмейстеров) был назначен Вячеслав Константинович фон Плеве. Это стало первым назначением молодого монарха, и оно оказалось на редкость удачным. Бывший прокурор Петербургской судебной палаты, которому едва исполнилось тридцать пять, три дня как получивший чин действительного статского советника, Плеве железной рукой быстро и эффективно начал наводить в империи порядок.

29 апреля подал в отставку любимец покойного государя, покоритель неприступного Карса, генерал от кавалерии, украшенный Георгием 2-й степени и Владимиром 1-й степени с мечами, Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Хитрый, умный, храбрый и энергичный армянин даже после цареубийства не отказался от идей введения в России сословного представительства. А ведь именно он по должности министра внутренних дел нес главную ответственность за гибель венценосца, ему следовало выжигать крамолу, а не либеральничать перед окровавленным тронem...

Трудно понять, почему Александр Третий назначил на освободившийся пост руководителя важнейшего (особенно в эпоху смут) ведомства графа Николая Павловича Игнатьева. Никогда не нюхавший пороха полный генерал неожиданно для всех сделался мини-

стром внутренних дел огромной взбаламученной страны. Не имея навыков государственной службы такого уровня, не знающий тайных технологий управления петербургского чиновничества, граф, вместо того чтобы заняться полицейской прозой, ударился в прожекторство. Весь год, что он был министром, Игнатьев в окружении вызванной им из Москвы кучки бородастых людей в неопрятных пиджаках сочинял проект созыва Земского собора. Из всего состава МВД делом занимался только Плеве со своими людьми. Вот на подмогу этому человеку, и без того умному и даровитому, Игнатьев и вызвал из Нижнего Новгорода Благово с Лыковым, обещая им свое покровительство.

Служба на ярмарке под руководством графа нравилась сыщикам, и предложение его в качестве министра показалось им соблазнительным. Кто ж тогда знал, что это лишь на год... Нижегородцы переехали в столицу. Благово стал одним из двух вице-директоров департамента и в этом качестве курировал все общеполейские дела за вычетом политических преступлений. Лыкову был предложен пост помощника начальника второго делопроизводства, занимающегося в том числе и сыском. Однако бюрократ из Алексея получился плохой: он постоянно путал предикты¹ в официальной переписке, да и заниматься «рабочим вопросом» или наблюдением за питейными заведениями (что тоже входило в обязанности делопроизводства) ему было скучно. В итоге в декабре 1881 года Лыков оказался в Женеве в качестве наружника в зарубежной агентуре департамента. Он следил за Плехановым и Лавровым, и снова без особых успехов — мешало плохое знание

¹ *Предикты* — формы обращения и титулования.

языков. Через три месяца Алексей вернулся в Россию с ощущением своей ненужности в МВД. По счастью, Благово сумел включить его в состав Летучего отряда, который помогал полициям обеих столиц и крупных городов в розыске и поимке наиболее опасных преступников. Чины отряда выезжали в Варшаву, Одессу, Пятигорск, на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, «чистили» Москву к коронации. Задержания производили обязательно в масках или в гриме. Служба была лихая и опасная — из двадцати человек кадра за год погибли двое. Здесь Лыков оказался в своей стихии и был на хорошем счету у Плеве. Как чиновник особых поручений IX класса при Департаменте полиции, он стал далек от чернильных дел, а выполнять «особые поручения», зачастую очень рискованные, — вот это было по нему...

В мае 1882 года Игнатьева отставили от министерства. Государь, решивший навести в стране порядок, не собирался играть с Земскими соборами и прочими конституционными реформами. Граф же так увлекся поиском популярности у говорунов-либералов, что потерял способность понимать очевидное. Победоносцев собрал совещание, на котором Николай Павлович выглядел очень жалко, пытаясь доказать, что задуманный им созыв сословных представителей — лишь эффектный кордебалет к коронации в духе царя Алексея Михайловича. Когда государь заставил Игнатьева прочитать вслух собственноручно написанный им проект указа, ложь его стала очевидной. И в последний день мая новым главой министерства стал граф Дмитрий Андреевич Толстой. Старик и не мечтал уже о возвращении во власть после увольнения его прежним государем из министров народного

просвещения. Тогда, при моде на все либеральное, имя Толстого было символом реакции; теперь оно стало означать твердость характера и жесткость решений. Все разговоры про Земское собрание в России сразу же прекратились.

Благово с Лыковым закручинились. Репутация любимчиков попавшего в опалу покровителя теперь больно была по ним. Недоброжелатели, до сей поры не смевшие нападать на нижегородцев, тут же подняли головы. У Павла Афанасьевича произошла резкая стычка с управляющим судебным отделом Петром Дурново, самым влиятельным после Плеве человеком в полицейском ведомстве. Лыкова попытались отчислить из экстерната Петербургского университета, куда его успел всунуть Игнатъев, и обошли чином. Тогда неудачливые столичные чиновники написали бывшему начальнику генералу Каргеру, продолжавшему служить в Нижнем Новгороде полицмейстером: нельзя ли блудным сыновьям вернуться назад? Каргер переговорил с губернатором Безаком и отбил телеграмму: «ЖДЕМ РАДЫ». И тут как снег на голову — смена Безака генералом Барановым!

Николай Михайлович Баранов прославился в 1877 году. Тогда маленький торговый пароход «Веста», переоборудованный под сторожевой корабль, под его командованием вступил в бой в районе Констанцы с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». Турки превосходили его огневой мощью в несколько раз; исход схватки стального крейсера с деревянным судном, имеющим скорость всего 10 узлов, был очевиден. Тем не менее из пятичасового боя «Веста» вышла победителем. Удачным выстрелом из кормового орудия лейтенант Рождественский повредил машину

броненосца, и тот ретировался. Россия ахнула в восхищении, Баранов получил одним махом Георгия, Железный крест и Почетный легион.

Бывший морской офицер, Благово усомнился в достоверности этой истории. Понятно, что во время войны нужны герои; понятно, что, когда героев нет, их приходится выдумывать. Но общаться с такими газетными орлами Павел Афанасьевич не любил. По окончании войны начались суды. Автор «меткого выстрела» лейтенант Рождественский обвинил Баранова в авантюризме и раздувании собственных заслуг. Участники знаменитого боя рассказывали в узком кругу, что и боя-то никакого не было — так, удирали, удирали, да и удачно-таки смылись... Затем военноморской суд приговорил Баранова к исключению со службы за оскорбление начальства и нарушение дисциплины. Цесаревич Александр спас склочного моряка от позора, переведя его в генерал-майоры артиллерии, а затем и в ковенские губернаторы. После 1 марта новый император, с симпатией относившийся к Николаю Михайловичу, неожиданно для всех назначил его петербургским градоначальником. Здесь энергичный, честолюбивый и склонный к очковтирательству Баранов, вместо того чтобы ловить жуликов, затеял странные игры в либеральные реформы на полицейской ниве. Пришлось переводить его аж в Архангельск, но за несколько месяцев своей гротескной столичной службы герой «Весты» успел поссориться с обоими нижегородцами.

Благово навлек на себя его неприязнь тем, что однажды в Яхт-клубе провел саркастический, но блестящий анализ славного боя под Констанцей, неопровержимо доказав лживость всей этой раздутой газет-

чиками истории. Баранов, как оказалось, сидел в это время в соседней комнате и все слышал; только внезапный вызов его на пожар пресек уже начавшуюся ссору.

С Лыковым получилось еще смешнее. По вторникам он занимался атлетизмом в Полицейском гимнастическом обществе, в третьем этаже съезжего дома Коломенской части. Слава о молодом титулярном советнике, отжимающем лежа с груди двадцать пять пудов, дошла до градоначальника и уязвила его. Баранов обладал огромной физической силой и склонен был считать себя непобедимым. Однажды вечером он ввалился в съезжий дом во время упражнений и потребовал от Алексея схватиться с ним на поясах.

Лыкову в тот вторник менее всего хотелось бороться. За день до этого в Новой Деревне он участвовал в задержании банды дезертиров из второй гвардейской стрелковой дивизии, убивших мирового судью. Два огромных парня, убегая, наткнулись на Алексея и успели порядком намять ему бока, прежде чем он их уgomонил. Каждый двенадцати вершков росту¹, раскормленные на гвардейских харчах, убийцы очень не хотели на каторгу и сопротивлялись с невиданной яростью. У Лыкова было выбито правое плечо, синяки на груди и боку, рассечена бровь, разбиты костяшки пальцев... Натертый опodelьдоком², он стоял себе тихо в углу и осторожно работал с малым весом, пытаясь восстановить плечо. Ссориться с градоначальником ему вовсе не хотелось, и он пытался свести все к шутке, потом показал разбитые пальцы, предложив

¹ Рост часто считали в вершках свыше «положенных» двух аршин, т.е. 142 см. Таким образом, рост дезертиров — 195 см.

² Популярное в XIX веке средство от ревматизмов и вывихов, смесь камфоры с нашатырным спиртом и мылом.

отложить поединок на недельку. Баранов был настойчив до наглости. Его бесцеремонность разозлила-таки Лыкова, и схватка состоялась. Подняв героя «Весты» левой рукой (правая сильно болела), Алексей развернул его в воздухе вниз головой и сильно припечатал об тюфяк... Больше им встречаться не приходилось. Офицеры столичной полиции месяц жали Лыкову руку, благодарили на ухо за урок их шефу и втихомолку смеялись.

Злопамятный Баранов написал тенденциозное отношение к Плеве, в котором обвинял Благово в оказании помех градоначальнику при исправлении им своей ответственной должности. Вячеслав Константинович показал письмо своему вице-директору, а затем, ни слова не говоря, выбросил в корзину. И вот теперь Баранов — нижегородский губернатор!

Неопределенность положения для сыщиков прошла очень скоро благодаря другому Дурново — Ивану Николаевичу. Приглашенный в товарищи министра из екатеринославских губернаторов графом Игнатьевым и сам уже подумывающий об отставке при новом министре, он неожиданно ловко смог сдружиться с Толстым. Войдя к нему в полное доверие, Дурново вскоре фактически стал управлять министерством, оставив своему начальнику лишь самые важные либо ритуальные функции. Иван Николаевич, известный отзывчивым характером и доброй душой, симпатизировал Благово, да и умному Плеве требовались толковые работники. Нижегородцы остались в столице.

Павел Афанасьевич поселился в хорошей квартире в доме МВД на Театральной улице, с ватерклозетом, казенными дровами и свечами. Он нанял кухарку и зажил так же по-холостяцки, как и в Нижнем. Завел

рыжего кота и назвал его попервоначалу Васькой. Но очень скоро кот отъелся, достиг пудового веса, сделался огромным, ленивым и солидным, как кондуктор сверхсрочной службы¹, и его стали уважительно называть Василием Котофеевичем Кусако-Царапкиным. По вечерам рыжий любил сидеть у хозяина на коленях и урчать, как машина броненосца...

По происхождению своему статский советник был вхож в высший свет, воспитания отменного, должность занимал неплохую, поэтому в знакомствах недостатка не испытывал. Благово ведут свой род от князей Смоленских и Заболоцких. Борис Петрович Благой был послом в Царьграде в 1584-м, Афанасий Иванович — воеводой в Березове в 1594 году при Федоре Иоанновиче, Афанасий Федорович Благово — стольником самого патриарха Филарета, отца первого Романова. По свойству Благово не чужие Волконским, Новосильцевым, Баташевым и Арбеньевым. Как человек очень умный, Павел Афанасьевич сразу же вошел в Яхт-клубе в «кружок политиков», к мнению которого сильно прислушивались в Министерстве иностранных дел. Однако ни с кем особенно Благово не сближался, больше всего любил проводить время в обществе Лыкова, по воскресеньям читал «Отче наш», «Верую», «Достойно» и «Аминь»². Каждый полтора месяца ездил на два дня во Владимир, где вел курс в недавно созданной школе сыскных агентов. Да еще ловил летом рыбу в гатчинских прудах, возле самой царской резиденции, усиленно охраняемой после известных событий. Туда

¹ *Кондуктор* — унтер-офицер военно-морского флота.

² Воскресные молитвы, читаемые на кораблях русского военного флота.

скромного статского советника впускали по распоряжению генерала Черевина, нынешнего начальника личной охраны государя. Никто, кроме них двоих, не знал, что в 1875 году Черевин чуть не погиб на Нижегородской ярмарке, неосторожно отведав «малинки» в уголовном трактире Зотыкевича. Бесчувственного гостя положили в погреб на ледник, чтобы утопить, когда стемнеет. По счастью для него, вечером Благово ворвался в трактир с очередной облавой и спас незадачливого выпивоху, сделавшегося теперь близким другом государя.

Лыков, не имея в роду стольников и воевод, долго маялся в столице, привыкая к новой жизни. Все его раздражало: толкотня, бешеные цены, чопорные чиновные нравы. По ночам Алексею часто снились его конные прогулки за Казанской заставой, шлемовидные главки Благовещенского собора, милые рожи гордеевских головорезов. В холодной манерной столице, где положение человека определяется либо капиталом, либо расположением министра, Лыкову было тошно. Только оказавшись в кадре Летучего отряда и занявшись знакомым делом, Алексей успокоился. В отряде у него была специализация — убийства и вооруженные грабежи. Туда, где пахло жареным, Плеве высылал свою «особую артель», коей Алексей был важным и серьезным членом, и все обычно кончалось задержанием.

В конце 1882 года Алексей, забыв на время свою нижегородскую привязанность — Вареньку Нефедьеву, влюбился в Машеньку Коковцову. Она происходила из хорошей петербургской семьи среднего достатка. Отец девушки, военный инженер, умер десять лет назад; брат Владимир делал успешную карьеру в Главном

тюремном управлении. Когда Лыков в первый раз внедрялся в уголовный мир, именно Коковцов подобрал ему легенду; он же неосторожно и познакомил молодого отчаянного сыщика с сестрой. Машеньке еще не встречались такие люди. Случилось то, что и должно было случиться и на что карьерный бюрократ вовсе не рассчитывал. Титулярный советник, дворянин во втором колене, без капитала и протекции — такого зятя господин Коковцов вовсе не предполагал.

Роман завершился сам собой из-за длительной служебной командировки Лыкова. Тогда в Петербургской и Сувалкской губерниях появились поддельные металлические четырехпроцентные билеты Государственного банка, на сумму почти в миллион рублей. Затем в Сухумском отделе обнаружилось отлично сделанные «лексеи»¹ — кредитки двадцатирублевого достоинства. Арестованный с такой кредиткой армавирский купец Лотерейчик показал в сысской полиции, что и «лексеи», и металлические билеты сделаны в одном месте. А именно в Псковской тюрьме!

Чтобы изобличить мошенников, орудующих даже внутри тюремных стен, Плеве задумал внедрить туда своего агента. Выбор пал на Лыкова. Несмотря на риск быть узнанным кем-нибудь из своих уголовных знакомцев, Алексей согласился. Он относился к тому типу людей, внешность которых разительно меняет борода. Отрастив небольшую, русую с проседью бородку, Лыков стал совершенно неузнаваем. Помог — воистину нет худа без добра — и шрам на левой щеке, полученный при задержании тифлисского налетчика

¹ Печатались с изображением царя Алексея Михайловича, почему и назывались «лексеями».

Лежава (за этот шрам и полюбила титулярного советника красавица Машенька Коковцова). Кроме того, самому допрашивать всякую нечисть Лыкову пришлось всего полтора года, в провинции — в далеком Нижнем Новгороде; за минувшее с той поры время слава его в уголовном мире забылась. Да и то сказать — не больно-то слава эта была и велика, хотя ликвидация при задержаниях Осипа Лякина или печально знаменитого Тунгуса на короткое время сделали волжского геркулеса знаменитым. В кадре же Летучего отряда Лыков действовал только в гриме, допросов сам не проводил и вел жизнь засекреченную. Поэтому Плеве с Благово и решили рискнуть.

Учитывая отсутствие у Алексея актерских талантов, личность ему придумали максимально похожую на него самого. Решили не менять даже имя с фамилией, чтоб не выдал себя чем; определили только другую родину — Привисленского края губернский город Петровок. Польшу ввели не случайно: дворян там больше, чем крестьян (легче затеряться), а застарелая вражда русских и польских уголовных затруднит, в случае чего, наведение справок.

Так год назад объявился в Псковской тюрьме новый арестант из благородных. Пришел он как подследственный за неумышленное, в запальчивости, убийство. Свежака, да еще из дворян, решили сразу же «положить под нару». Три глота из отчаянных держали в страхе всю тюрьму и не подозревали, с кем связались. В результате двое надолго оказались в лазарете, третий добровольно попросился в карцер... Мелкая шпанка и бруссы ликовали, Лыков на волне популярности был единогласно выбран в майданщики. Месяц он царствовал, торговал водкой и табаком, причем

последнее у коллег-сидельцев не отымал. Тюрма его уважала. Алексей сошелся с аристократами цинтовки — «дергачами» и «шниферами», а более всего сдружился со «счастливецем» Потапом Бреховым из Гуслиц, вокруг которого терлись два одесских еврея-гравера¹.

Через месяц в Псковскую тюрьму пришло определение от окружного прокурора. Знаменитый адвокат Марголин доказал до суда инобытие² подследственного Лыкова, и того следовало из-под стражи освободить. Вся цинтовка знала, что инобытие липовое, что Лыков действительно убил в драке человека, но ловкий уход от наказания вызывает только восхищение уголовных. Алексей вышел на свободу с репутацией тертого калача, который и в лоб дать может, и водкой торгануть, и от наказания отмажется. А еще через месяц Брехова с граверами перевели в Новозыбковский централ, и фальшивые ассигнации на этом закончились. Никто не связал случившееся с недолгим пребыванием в Псковской тюрьме широкоплечего молодца из дворян, гордо носящего Георгиевскую ленточку в петлице сюртука. Департамент же получил еще одного законспирированного агента с убедительной легендой, которого можно было использовать при необходимости. И полицейские, и уголовные называли таких людей «демонами», газетчики и преступники складывали легенды об их необычных подвигах. И вот новый для Алексея случай наступил...

¹ Цинтовка — тюрьма; дергачи — грабители, шниферы — ночные воры, счастливицы — мошенники.

² Инобытие — алиби.

• 3 •

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОРУЧЕНИЕ

Вся изложенная далее история началась 7 мая 1883 года в «дипломатической» гостиной Яхт-клуба. Благово, постоянный и заметный член этого самого аристократического заведения столицы, пользовался здесь особым уважением именно в ведомстве у Певческого моста¹. Его обитатели постоянно изводили вице-директора своими вопросами на темы международных отношений, требовали прогнозов, опробовали на нем свои меморандумы, ноты и демарши. Известный в узких кругах своим парадоксальным умом, часто помогавшим ему выбраться из запутанной ситуации к верному решению, Павел Афанасьевич и сам любил иной раз потренировать логику на каком-нибудь балканском вопросе. Министр Гирс сказал ему как-то: «Вам надо дать белые пуговицы» (то есть сделать чиновником ведомства иностранных дел). Вот и сейчас он раскуривал старинную трубку потемкинских времен в окружении двух дипломатов и недовольно брюзжал. Слева

¹ Название российского Министерства иностранных дел.

от него, молча и внимательно слушая, примостился титулярный советник Сергей Сазонов, всего две недели как определенный на службу в Министерство иностранных дел по окончании Александровского лицея. Ввиду своей молодости и неопытности он внимал Благово, раскрыв рот, не смея вставить хоть слово. Вторым собеседником был действительный статский советник и камергер граф Ламздорф, директор канцелярии министерства и правая рука самого Гирса. Всем в Петербурге было известно, что Ламздорфа уважал сам государь; двор пророчил ему со временем министерский пост. Сообразно своему высокому статусу камергер смело оппонировал полицейскому чиновнику, но аргументы его слушал с уважением.

Речь на этот раз шла о политике внутренней. Благово был желчен и раздражен; у него снова болели почки, и утром он встал с отеками на ногах. Смена волжской воды на невскую обострила брайтову болезнь¹, во время приступов которой вице-директор становился брюзгой и любил предсказывать всякие ужасы.

— ...Как хотите, господа, но весь этот век наши монархи все более необдуманно раскачивают маятник. Амплитуда его колебаний делается все шире — далеко ли до катастрофы?

— Опять вы с вашими метафорами, Павел Афанасьевич! Что это у вас еще за маятник такой?

— Представьте себе, Владимир Николаевич, общий тон нашей внутренней политики в виде огромного маятника, который мечется справа — от абсолютной и реакционной монархии — налево, к либерализму. Теперь начнем по хронологии с Павла Петровича. Своими

¹ *Брайтова болезнь* — старое название нефрита.

сумасбродными идеями он так запугал Россию, что от нарастающего напряжения общество вынуждено было покуситься на жизнь собственного государя. Он перегнул палку, оттолкнув маятник слишком вправо. И, по логике событий, выпущенный из рук, тот полетел в обратную сторону. Помните, Сережа, чем это кончилось?

Сазонов порозовел и кинул быстрый взгляд на свое начальство:

— Восстанием... то есть бунтом на Сенатской площади.

— Вот-вот! Александр Павлович переборщил в другой крайности, и пришлось применить картечь. Дальше все продолжалось в той же последовательности. Его августейший брат повесил пять человек, отправил в ссылку Салтыкова и Герцена, заковал в кандалы Достоевского, приструнил всю Европу. И так надоел этой самой Европе, что получил крымскую катастрофу. Спohватившись, Александр Николаевич ухватился за маятник и стал, пыхтя от натуги (прости, Господи), перетаскивать его справа налево. Появились освобождение крестьян, судебная и военная реформы, земство — а также развязность газет, железнодорожные аферы, стриженные девки с револьверами и лохматые бомбисты. Амплитуда вновь не была рассчитана, и... великому реформатору оторвало ноги на набережной Екатерининского канала. Что же будет сейчас, по вашему мнению?

— Сейчас будет наведение порядка, — авторитетно пояснил Ламздорф.

— Хочется верить, что на этот раз Александр Александрович не затолкает своими могучими руками наш маятник чересчур вправо. Потому что, как показывает русская история, после «чересчур вправо»

неизбежно возникает «чересчур влево». И после очередного такого заноса Россия может не уберечься. Лично у меня, к примеру, очень нехорошие предчувствия. Пока все неплохо: террористы сидят по тюрьмам или прозябают в эмиграции, международный престиж империи высок, как никогда, армия укрепляется, в обществе наблюдается что-то, издали похожее на стабильность. У нас давно не было такого императора. Я вообще скептик и пессимист, но сейчас наконец-то не стыдно быть русским. Главное, чтобы он вовремя остановился, чтобы не во всем слушался Победоносцева... И не дай нам Бог, чтобы с ним что-нибудь случилось!

Ламздорф, хорошо изучивший государя, молча склонил голову в знак согласия. На минуту все замолчали, но тут Сазонов осторожно тронул Благово за рукав.

— Павел Афанасьевич, верно, это вас ищут.

Благово обернулся и увидел высокого, седого и осанистого генерала, беспокойно озирающегося вокруг. Это был новый петербургский градоначальник Грессер, всего три недели как назначенный на эту должность из харьковских губернаторов. Вице-директор быстро поднялся.

— Неужели опять, Петр Аполлонович?

— Увы, Павел Афанасьевич. Уже пятая. Придется просить вас вставить в «Свод сведений»¹.

— А плод?

— На этот раз найден. И снова без сердца...

Генерал и статский советник устремились к выходу. Воскресенье для них закончилось.

¹ «Свод заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции» представлялся императору еженедельно.

Через полчаса на Гороховой в управлении петербургского градоначальника собрались Плеве, Благово, Грессер, а также товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и одновременно командир Корпуса жандармов генерал-лейтенант Оржевский. Известный в столице остролов, Оржевский на этот раз был мрачен. Как старший по должности, он открыл совещание и предложил Грессеру доложить ситуацию «с первого кадавра».

— Сегодня в шесть часов утра, — начал градоначальник, — городским № 63 первого участка Выборгской части в подворотне у выгребной ямы дома Янкеля по Ломанову переулку был обнаружен труп молодой женщины со вскрытыми внутренностями. Личность жертвы установлена: это солдатка Федосья Гардина, проживавшая неподалеку в собственном доме по Старомуруинской дороге. Убитая была на седьмом месяце беременности. Плод отыскан через два часа на Малой Охте, неродившийся младенец мужского полу, сердце вырезано и исчезло. Как и в прошлый раз...

— Как и в прошлые разы, — поправил Благово.

— Мы этого достоверно не знаем, Павел Афанасьевич, — возразил Оржевский. — Известно лишь, что это уже пятая жертва за последний год, все они беременные женщины и всем им взрезали живот и вынули и унесли плод. Второй раз, как найден унесенный младенец, и второй раз с вырезанным сердцем. Сволочь!!

Генерал скрипнул зубами, секунду все помолчали, затем Благово как ни в чем не бывало продолжил:

— Это так, Петр Васильевич, но я убежден, что со всеми младенцами поступили одинаково, включая

сюда и тех, кого мы не нашли. Всего убийств должно быть девять; значит, осталось еще четыре.

У собеседников Благово вытянулись лица.

— Но почему девять? — словно сговорившись, хором спросили генералы.

— Вы все относительно недавно занялись полицейским делом, господа, хотя у некоторых из вас оно в крови¹, — несколько менторским тоном пояснил Благово. — Потому вы и не знаете это старое уголовное суеверие. Преступники убеждены, что если съесть сердца девяти неродившихся младенцев, то можно совершить любое преступление совершенно безнаказанно. Любое!

— Но, может быть, это простое совпадение? — спросил молчавший до сих пор Плева. — Какой-то психопат, сумасшедший, режет беременных женщин просто из безумия...

— Сердца. Почему у младенцев забирают сердца? Нет, здесь не психопат. Здесь идет подготовка чего-то очень серьезного, что пугает самого преступника, и он пытается заранее защититься от возмездия. Нас ожидает невиданное, сверхстрашное событие. Подобные случаи очень редки, так как чересчур возбуждают общество и заставляют полицию искать особенно старательно. Мне известно только одно такое массовитое убийство, причем давно, в шестьдесят первом году в Москве (в начале века подобное, говорят, случалось чаще). Тогда после девяти таких вот убийств произошел переворот в преступном мире Первопрестольной. Иван Юлубев по кличке Стратилат сверг «короля» Хи-

¹ Благово намекает на П. В. Оржевского, отец которого В. В. Оржевский с 1837 по 1855 год состоял директором Департамента полиции.

тровки Ивана же Балашиху и занял его место. Была большая резня, свыше двадцати человек собрали за зиму по закоулкам, но Стратилат взял верх. Боюсь, что подобный исход только убедил этих поганцев в верности суеверия.

— Думаете, и сейчас то же самое? Готовится перемена вождей? — подал реплику Грессер.

— И кто, кстати спросить, является сегодня «королем» Санкт-Петербурга? — добавил вопросов Оржевский.

— Это доподлинно не известно. Личность очень законспирированная... Мы знаем, что его зовут Лобов; возможно, это кличка. Иван Дмитриевич Путилин давно его выслеживает, да Бог удачи не дает. Опять же сдал очень наш первый сыщик, часто болеет, а его ученики, увы, не столь талантливы, как он. Сведения очень расплывчивые, но есть один купец первой гильдии в сильном подозрении, и фамилия его как раз Лобов.

— Купец первой гильдии?

— Что ж в этом странного? Не каретным же мастером ему числиться. В Петербурге 786 купцов первой гильдии, из них не менее 20 подозреваются в разных нехороших вещах: контрабанда, фальшивые деньги, сокрытие доходов. Но этот особенный.

— И он действительно «король»? В том смысле, что обладает в их мире властью, — пояснил свой вопрос Оржевский.

— Всем королям король. Уже два года, со смерти небезызвестного Блохи, Лобов царствует в столице и подмял под себя все шайки и преступные сообщества. Даже «Черные братья», финские то ли бандиты, то ли сепаратисты, вынуждены были подчиниться

ему в пределах Петербургской губернии, после того, как были перебиты две их явочные квартиры. Лобов поставил на поток новый для России вид преступлений — вымогательство. Его отряды обложили данью все мелкие лавки, постоянные дворы, трактиры и харчевни в городе и даже в уезде...

Тут градоначальник смачно выругался, виновато посмотрел на коллег и понурил голову.

— ... Да, да, Петр Аполлонович, ваши предшественники изрядно развратили столицу. Что вы хотите — каждый участковый пристав забирает в лапу не менее тридцати тысяч в год. Это все Лобова деньги; поэтому о нем по сию пору ничего и не известно. Отряды сборщиков дани (в Америке их называют модным словом «рэкетеры»¹) хорошо вооружены и решительны. Если лавочник отказывается платить, его лавка на первый раз сгорает; на второй раз могут и убить, поэтому платят все, кто не имеет знакомств в полиции. Кроме того, у Лобова сеть отделений по России, включая сюда и Сибирь; в каждом центре, на каждой каторге имеются свои люди, которые помогают тем членам шайки, кто молчал на следствии и суде. И, естественно, наказывают болтунов. Это самый сильный прием Лобова, до него никому не удававшийся. Его агенты выходят на поселение и живут там, как в командировке, два-три года, обеспечивая связь, поддержку беглых, передачу ценных грузов (например, рассыпного золота, украденного с приисков). Затем возвращаются в города европейской части России, сдавая пост сменщику. Лобов человек серьезный, организация у него будь здо-

¹ *Рэкетеры* — члены нью-йоркских уличных банд, приходившие по вечерам на общественные танцы («рэкетсы»), за что и получили такое название.

ров, и, конечно, без его ведома в столице ничего выдающегося произойти не может. Тем более пять убийств.

— Вы думаете, Павел Афанасьевич, это под него роются? Как в Москве — готовят замену?

— Боюсь, Петр Васильевич, все еще хуже. И намного хуже. Если бы готовился переворот, мы наблюдали бы войну между уголовными. В Москве, например, она длилась полгода до воцарения Стратилата и полгода после. У нас же все тихо. Я ожидаю совсем страшных вещей. Хотел бы ошибиться в своей догадке, но... Вы заметили особенность в датах совершения всех пяти убийств?

Плеве и Оржевский недоуменно переглянулись, Грессер зашелестел бумагами:

— Что-то в апреле их много было, а первое в самом начале января. Вот, нашел! 3 января обнаружен труп на Фурштадской, в Литейной части. Потом долго не было, о находке уже забыли, а затем как прорвало: 11 апреля в Кокушкином переулке, 28-го — на Большой Болотной улице (там неподалеку мы нашли первый плод, а до того не находили), 30 апреля — на острове Гоноропуло. И вот сегодня — в Ломакином переулке. Какая же тут система, Павел Афанасьевич?

— Отнимите от каждого числа один день. Ведь трупы всегда обнаруживались утром, а убийства происходили накануне. И задайте себе вопрос: а что у нас было вчера, 6 мая?

— Вчера? Вчера был «царский день», праздновали пятнадцатилетие цесаревича... О Боже!

Гессер, Плеве и Оржевский вскочили и одновременно принялись вырывать друг у друга «Весь Петербург за 1882 год». Через минуту тягостное молчание повисло в кабинете градоначальника. Наконец его нарушил Плеве:

— Отдаю должное вашей наблюдательности, Павел Афанасьевич. Действительно, если сдвинуть числа из всех рапортов об убийствах на день вперед, получается, как сказал генерал Грессер, «система». 2 января — день рождения великого князя Алексея Александровича, 10 апреля — Владимира Александровича, 27-го — младшего сына государя Георгия Александровича, 29-го — великого князя Сергея Александровича и 6 мая — наследника, великого князя Николая Александровича. Но что все это значит?

— Да уж ничего хорошего! — рявкнул Оржевский. — Надо безотлагательно доложить об этом его величеству! А через восемь дней коронация! Августейшая чета и двор отбывают в Москву сегодня вечером! Я считаю своим долгом...

— Позвольте, ваше превосходительство! — еще громче гаркнул Грессер. — Это дело относится до столичного градоначальника! Я сам считаю своим долгом лично доложить обо всем государю еще до отъезда!

Благово встал и молча отошел в сторону. Завязалась обычная чиновная свара, которые он так не любил. Из всех присутствующих Оржевский и Грессер по должности имели право высочайшего доклада, и от того, кто из них первый доложит императору неприятную новость, зависело, в чьей трактовке тот о ней узнает: градоначальник будет валить на министерство, а тот, в свою очередь, постарается изгадить градоначальника. Победил в споре Грессер и сразу уехал в Аничков дворец, где остановился перед отъездом государь; эмвэдэшники заторопились к Чернышеву мосту доложить все министру.

В девять часов вечера того же дня Плеве и Благово стояли навытяжку перед графом Дмитрием Андрееви-

чем Толстым. Чуть сбоку так же тянулся во весь свой огромный рост генерал Грессер.

Министр пожевал бледными болезненными губами, посмотрел недовольно на подчиненных.

— Господа! Господин петербургский градоначальник только что сообщил мне повеление государя императора: найти и арестовать убийц беременных женщин в столице. И выяснить, что все это значит. Я имею в виду странный подбор дат всех пяти преступлений, подмеченный статским советником Благово... Данной мне властью министра поручаю исполнить настоящее повеление департаменту государственной полиции. Вице-директору Благово лично возглавить расследование; директору фон Плеве руководить его действиями и оказывать всемерное содействие. О ходе расследования докладывать мне раз в две недели перед высочайшими докладами. Учитывая, что начальник столичного сыскного управления Путилин болен и находится на излечении в Пятигорске, приказываю господину градоначальнику оказать содействие чинам министерства в исполнении ими высочайшего повеления по линии столичной полиции. За исход дела вы трое отвечаете персонально! Все свободны. Я же безотлагательно уезжаю в Москву; жду вас, Павел Афанасьевич, через сорок минут на дебаркадере.

Грессер по-военному щелкнул каблуками, и троица покинула кабинет министра. Машина сыска завертелась, но вступлению ее в действие мешало одно важное обстоятельство — коронация.

Остерегаясь покушения, Александр Третий затянул с ней уже до неприличия долго. Наконец, по прошествии более чем двух лет после воцарения, выяснив у арестованных террористов, что бояться уже некого,

он решил появиться в Успенском соборе. Торжества должны были продлиться с 8-го по 18 мая. 8-го, в воскресенье, император со всем семейством приезжает в Москву и прямо с вокзала, по старинному романовскому обычаю, отбывает в пригородный Петровский дворец. Живет там четыре дня, никуда не выезжая и только принимая визиты. 12 мая — первый выезд в Кремль, к Иверской, представление народу, 15-го — собственно коронация, 18-го — освящение храма Христа Спасителя, после чего августейшее семейство возвращается в Гатчину. На все эти дни обычная жизнь замирает, женщин на улицах Питера могут резать сколько угодно — полиции будет не до них, все основные силы уедут в Первопрестольную.

Сложнейший вопрос охраны особы государя и сохранения порядка на всех многолюдных торжествах был возложен не только на общую и дворцовую полицию. Благово имел давние крепкие связи с влиятельными московскими старообрядцами, завязавшиеся четыре года назад при расследовании в Нижнем Новгороде так называемого «дела о завещании Аввакума». Сейчас пришло время их использовать. На Масленицу вице-директор вместе с бывшим начальником императорской охраны, а ныне министром двора Воронцовым-Дашковым тайно съездил в Москву для переговоров с раскольниками. Арсений Иванович и Алексей Викулович Морозовы, предводители двух наиболее влиятельных ветвей старого толка — беглопоповцев Рогожской общины и беспоповцев Поморского согласия, — хорошо помнили нижегородских сыщиков. Да и сотрудничать с властью тузы умели всегда. Поэтому Лыков уже с конца апреля проживал в Москве во главе группы из десяти агентов. Он наладил тесное

взаимодействие с начальником рогожской секретной службы Степаном Горсткиным, сменившим на этом посту покойного Буффало. Уважение к памяти Буффало, а также пластунское прошлое сблизило двух боевитых мужчин и помогало хорошо вести дела. Лыков отвечал за все перемещения государя вне пределов Петровского дворца и Кремля, и пять тысяч старообрядцев, втайне от всех, помогали ему в этом. Коронация прошла без сучка без задоринки. Не было никаких чрезвычайных происшествий, если не считать того, что княгиня М. А. Голицина на одном из балов потеряла исподнее... Усердию старообрядцев немало способствовал Закон от 3 мая (тотчас после подписания, с не просохшими еще чернилами высочайшей подписи, отправленный Лыкову секретным курьером для демонстрации рогожцам). Он назывался «О некоторых правах гражданских и правах по отправлению духовных треб» и давал невиданные доселе свободы раскольникам невраждных толков¹. Прямым следствием благодарности императора стал еще один Указ от 15 мая о фактически полном разрешении старообрядства; рогожских архиереев тотчас же выпустили из Суздальской монастырской тюрьмы.

Примирение нового государя со старообрядцами началось сразу же после его восхождения на престол.

¹ Указ от 3 мая разрешал раскольникам: 1) получать паспорта внутри империи (всем сектам, кроме скопцов); 2) заниматься торговлей и промыслами; 3) вступать в иконописные цехи; 4) занимать общественные должности. Им дозволялось творить «общественную молитву», исполнять требы и богослужения как в частных домах, так и в специальных для этого зданиях. По-прежнему запрещались публичные шествия: крестные ходы, пение псалмов, ношение вне молитвенных домов духовного облачения.

При взрыве на Обводном канале, помимо Александра Второго, погиб и состоявший в его конвое беглопоповец Малевич. Он был первым, кого разрешили публично отпеть и похоронить по староверческому обряду. А уже через четыре дня после цареубийства, 5 марта, в главном храме Рогожского кладбища были сломаны печати, открыт алтарь и состоялась массовая по численности присяга раскольников Александру Третьему.

Спокойствию на коронации немало способствовало и то, что в Петропавловке в качестве заложников сидели шесть членов исполнительного комитета «Народной воли». Особое присутствие Сената уже приговорило кого следовало к смертной казни, но исполнение приговора было намеренно отложено. Сняв с могучих плеч горностаевую порфиру, государь заменил всем им виселицу пожизненной каторгой.

Суета, хлопоты и огромное напряжение этих десяти дней отодвинули для Благово и Лыкова все другие дела. Однако уже через два дня по приезде, когда жизнь вернулась в привычное русло, Плеве вызвал их к себе и напомнил про высочайшее повеление. Весь желтый от переутомления, он был еще и подавлен новостями, случившимися в Петербурге за время их отсутствия.

— Поезжайте в сыскное. Там еще одну нашли, пока мы с вами в Москве отдыхали...

— Но ведь царских дней не было, — попробовал удивиться Алексей, но директор только сдвинул брови, и нижегородцы поскорее ретировались. С Плеве шутки плохи... Петербургское управление сыскальной полиции располагалось на Офицерской улице, во втором этаже Казанской части. Путилин все еще болел, поэтому министерских посланцев встретил его многолетний бессменный помощник, знаменитый Виноградов.

Кроме него в кабинете присутствовали лучший агент управления Шереметьевский и начальник секретного делопроизводства Воцинин¹. Лица всех троих были угрюмо-сосредоточены. Шереметьевский, кроме того, весь был в белых точках — сыпь выступила от нервного напряжения (тоже отрубил десять дней на коронации старшим группы филеров).

— Итак, господа, — начал Виноградов, едва дав всем усесться, — генерал Грессер довел до нас повеление государя касательно этих ужасных убийств. Пока вы были в Москве, я внимательно изучил все рапорты о происшествиях с осени прошлого года. Вдруг что-то не заметили, упустили, не связали... И обнаружил задним числом еще одну жертву. 27 февраля в селе Смоленском найден труп крестьянки Подневой, работницы с Обуховского завода. Поэтому она и не попала в городскую сводку, прошла по Канцелярии полицмейстера пригородных местностей. Она была на седьмом месяце беременности. С ней поступили... как и в остальных случаях.

— Плод нашли?

— Нашли, двойню. То же, что и всегда...

— Двойню! — оживился Благово. — Значит, ему осталось дорезать только двух.

— Точно так, Павел Афанасьевич. Мы в сыском разделяем вашу версию и тоже считаем, что жертв должно быть девять. И никакой это не психопат-одиночка, здесь план и организация. Шесть убийств в разных частях Петербурга, и нет ни следов, ни свидетелей... Кто-то очень серьезный понтирует.

¹ В 1889 г. П. С. Воцинин сменил Путилина на должности начальника петербургской сыской полиции; Л. С. Шереметьевский в 90-х годах станет его преемником.

— Да, и очень в себе уверенный. Если вычесть по моей методе сутки, получается, что Подневу убили в день рождения государя. Значит, у нас есть время до сентября.

— Совершенно верно, — сразу согласился с Благово Виноградов. — Нам тоже пришла в голову эта мысль. Из всей близкой родни государя остались не отмеченные столь ужасным знаком только трое: сестра, Мария Александровна, брат — Павел Александрович и сама августейшая супруга, императрица Мария Федоровна. Убийцам же случайно подвернулась двойня, и они, так сказать, сэкономили одну жертву. Думаю, из своего дьявольского счета они уберут сестру государя, нынешнюю герцогиню Саксен-Кобург (Благово кивнул в знак согласия), и тогда остаются две даты: 21 сентября — день рождения Павла Александровича и 14 ноября — императрицы. Значит, до этого времени мы должны найти убийц.

— Теперь к вопросу, кто понтирует, — продолжил Воцинин. — Человека, который, по нашему мнению, правит преступностью в столице, зовут Анисим Петрович Лобов. Потомственный почетный гражданин, владелец самого крупного кожевенного завода в Чекушах, что на Васильевском острове. Пятьсот человек работников! Снаружи держит вид серьезного промышленника. Проживает в Коломенской части, в собственном доме в Упраздненном переулке, возле набережной Пряжки. Гласный Петербургской городской думы, был один срок старшиной в Купеческом клубе, избирался присяжным заседателем, представлялся столичному генерал-губернатору. Родом из Лаишевского уезда Казанской губернии, но вот уже тридцать лет в родном селе не появлялся. И вообще, нам не удалось — а мы

старались! — найти ни одного человека, который бы знал господина Лобова с парней. Прошлое у кожевенного фабриканта, видать, уж больно темное. Сельчане по фотографическому портрету его не признают, хотя и отмечают некоторое сходство.

— Может быть, сильно изменился под влиянием жизненных обстоятельств?

— Все может быть. Отец, мать и брат Лобова угорели в доме восемнадцать лет назад, все разом, а единственный дядя утонул в проруби. Больше никакой близкой родни. Как хотите, а подозрительно...

— Наблюдение что-нибудь дало?

— Мало. Личности вокруг него самые поганые. Стряпчий Мойша-Рива Погост имеет очень дурную репутацию... Банкир Борейто так просто мошенник, но ухватить его не за что. А особенно колоритен охранник лобовский, Иван Кареткин по прозвищу Пересвет. Ваш, кстати, земляк, из Нижегородской губернии.

Лыков уже слышал о Пересвете, уроженце старинного волжского воровского села Татинец, одно название которого говорило само за себя.

— ...Легальное его звание — ученик басонщика¹, но плодов этих его трудов никто никогда не видел. Настоящее же занятие — выполнение особых поручений Лобова. Пересвет трижды был под судом и трижды оставлен «в сильном подозрении». Записной убийца, необыкновенно жестокий и очень опасный. Силен неимоверно, говорят, почти как покойный Тунгус. Лобов без него из дому не выходит. Пересвет очень предан своему хозяину, выполняет только его распоряжения и готов ради него на все. Но там есть и еще один лич-

¹ *Басонщик* — изготовитель тесьмы.

ный телохранитель, некто Челубей. О нем почти ничего не известно, только несколько слухов. Вроде бы он не без татарской крови. Говорят еще, что он чуть ли не из столбовых дворян, силой не уступает Пересвету, но значительно умнее. Эдакий эlegantный боевик. Лобов никого не принимает без предварительной проверки этими двумя головорезами. Вообще, он ведет закрытый образ жизни, на людях появляется мало, на фабрике бывает два-три раза в неделю, не подолгу, зато часто заседает в трактире «Три Ивана».

— «Три Ивана»? Том самом, где сыщиков зарезали?

— Том самом, на углу Лиговской набережной и Свечного переуллка. Место нехорошее, настоящий «пчельник»; обыватели туда не ходят, поэтому и наблюдение вести крайне затруднительно. Одного нашего там давеча чуть не взяли в ножи. Настучали изрядно по шее и выгнали, наказали больше не приходить... В «Трех Иванах» никогда не бывает случайных или незнакомых людей. Одним словом, нужен «демон».

При этих словах все, словно сговорившись, посмотрели на Лыкова. Благово ухмыльнулся:

— Понимаем. Он с самого приезда из Москвы бороду растит, еще недели две потребуется. Покамест ему легенду подновим, он же полгода где-то жить был должен. Как у вас там «барон Флагге», все еще жирует? Не пора ему в Томск?

Так Лыков оказался в трактире «Три Ивана».

МАЙОР ТАУБЕ

Таубе прибыл в Париж уже вечером, когда зажглись газовые фонари. Взял фиакр на площадке у Восточного вокзала и назвал адрес. Нужный ему человек жил на самой окраине, возле старых фортификаций времен Луи-Филиппа. Рю де ла Гласьера, бедная, застроенная ветхими неказистыми домами, упиралась одним концом в парк Монсури, другим вливалась в бульвар Порт Ройял. По агентурным сводкам Таубе знал, что где-то здесь живут опасные враги империи Лавров и Тихомиров, но сегодня у него было другое задание, весьма щекотливое. Мутный парижский полуадвокат, полупроходимец, д'Ашэ где-то перекупил письма покойного Николая Александровича, старшего брата государя, который до своей смерти от чахотки в 1865 году в Ницце считался наследником российского престола. Вот, говорят, вышел бы государь! да Бог не дал... Николай был по любви обручен с датской принцессой Дагмарой и написал ей более тридцати писем, весьма частных. Вскоре после его смерти письма эти исчезли. А принцесса — что было не ожи-

данно для многих — «передала» руку и сердце, как бы по наследству, новому цесаревичу, а ныне российскому императору Александру Третьему. Теперь Дагмара — императрица Мария Федоровна; с государем у них удивительно теплые семейные отношения, и память о первом женихе, любимом брате государя, лишь скрепляет их брак. А тут какой-то парижский негодяй предлагает купить у него те забытые, похищенные письма! Держись, мэтр, не переоцени себя...

Фиакр довез его до самого темного квартала Рю де ла Гласьера и остановился. Было безлюдно, освещенных окон почти не видать. На другой стороне улицы ярко горело огнями ночное кафе для местного сброда. Оборванные полупьяные люди сидели за столиками и пили свое печально известное «синее вино»¹, громко разговаривали, ругались, кто-то пел. Место было небезопасное, и возница крайне неохотно согласился подождать барона четверть часа, и то лишь получив заранее плату, включая обратный проезд, с хорошими чаевыми.

Войдя в парадное, Таубе нос к носу столкнулся с консьержем — крепким мужчиной совершенно бандитской наружности, даже со шрамом на горле. На стойке за его спиной лежал кастет. Консьерж настороженно осмотрел ротмистра и сделал шаг назад, к стойке. Заглянул в какую-то бумажку.

— Мсье Засурски?

Таубе молча высокомерно кивнул.

— Подымайтесь, вас ждут.

И сразу же запер входную дверь на засов и встал возле нее, скрестив волосатые руки на груди.

¹ «Синее вино» — дешевое и плохое вино для плебса.

Таубе, одернув щегольской редингот, помахивая изящной, с серебряным набалдашником тростью, двинулся вверх по лестнице. Она визгливо и громко скрипела при каждом его шаге. Знакомый прием...

Дойдя до дубовой двери, ротмистр требовательно и властно стукнул в нее дважды и вошел в кабинет мэтра. Просторный, полуосвещенный, какие-то голые мраморные девки по углам, шкаф со сводом законов, старинный камин в углу. Сбоку дверь — поди, за ней какой-нибудь сюрприз в виде парня с револьверами. Что ж, при его ремесле вещь обязательная...

Мэтр д'Ашэ не спеша, с достоинством поднялся из-за стола, фальшиво-приветливо воздел руки.

— Мсье Загурски, полагаю?

Стряпчий был одет в легкомысленную полосатую визитку; лысый, толстенький, с неприятно бегающими глазками и нелепым «мушем»¹ на подбородке, потное лицо, короткие пухлые пальцы.

— Засурский, с вашего позволения. Где прикажете сесть? Нам понадобится не более четверти часа.

Д'Ашэ усадил гостя на стул спиной к неприметной дверке, сам уселся в кресло напротив, поправил съехавшее пенсне.

— Я, честно говоря, так и не понял предмета нашего разговора. Вы хотите что-то купить. Что именно? У меня много интересного. И потом, для чего такая загадочность?

— Вы правы, мэтр, перейдем сразу к делу. Я послан русским двором. Мне нужны письма покойного цесаревича Николая Александровича, адресованные принцессе Дагмаре.

¹ Пушок под нижней губой; введен в моду Наполеоном III.

— Ах, вон оно что! — хлопнул себя по жирной ляжке мэтр. — Я ждал вас — и дождался. Вы пришли узнать мои условия? Прекрасно!

— Не совсем так, мэтр, — вежливо поправил его Таубе. — Я пришел сообщить вам свои условия, на которых это дело может быть разрешено относительно благополучно для вас. В смысле последствий.

Секунду д'Ашэ молчал, словно не веря своим ушам, потом резко рассмеялся — противным визгливым смехом и несколько неестественно.

— Мой дорогой друг! Вы мне еще и угрожаете! Как это замечательно! Ничего, ничего, я уже привык. Вы все одинаково начинаете. У меня такое занятие, что все мне угрожают. Сначала. Потом договариваются. Жак, голубчик! Зайди-ка сюда. Ты, как всегда, понадобился.

Дверь за спиной ротмистра тотчас открылась, и в кабинет быстро вошел огромного роста человек лет сорока, с неправдоподобно широкими плечами, пузатый, с отвислыми усами и цепким настороженным взглядом. Не говоря ни слова, он стал прямо за спиной барона, нависая над ним, как гора.

— Вы не против, мсье Засурски, если Жак поучаствует в нашей беседе? Он чемпион Марселя по савату¹ и одновременно мой секретарь для общения с такими склонными к угрозам клиентами, как вы. Которые, вместо того чтобы внимательно выслушать мои условия, норовят явиться со своими... Мои условия от этого лишь ужесточаются. Итак, теперь продолжайте! Но будьте осторожны впредь.

¹ *Сават* — борьба грузчиков портовых городов Южной Франции.

Таубе мельком, без всякого интереса, взглянул на Жака и, не обращая на него ни малейшего внимания, сказал:

— Ваше ремесло, мэтр д'Ашэ, вызывает у меня только отвращение (мэтр снова хохотнул, а Жак за спиной Таубе шумно выдохнул и угрожающе сделал полшага вперед). Условия мои весьма просты. Вы сейчас же отдаете мне письма, и мы расстаемся. Так и быть, император Александр Александрович на первый раз готов простить вам ваше хамское желание шантажировать его.

— Какое великодушие! А если я не соглашусь, если я все-таки захочу продать эти письма, а не подарить их? Уже сейчас некий антиквар из Антверпена предлагает за них 75 тысяч золотых франков.

— Ну, если вы не согласитесь, то наша беседа примет другой оборот.

На этих словах Таубе молниеносно, как кием, сильно ударил стоящего у него за спиной чемпиона по борьбе тростью в пах. Не оборачиваясь. Трость была особенная, сделанная из стальной шестигранной трубки, залитой внутри свинцом, и не раз уже служила барону в подобных ситуациях. Жак вскрикнул и согнулся от боли пополам, причем лысеющая голова его оказалась у Таубе прямо над левым плечом. Тот столь же быстро крутанул трость, как сигару, в тонких пальцах, набалдашник описал стремительный круг и врезался сверху прямо в затылок Жака. Раздался удар, хруст, грохот падения огромного тела, а ротмистр уже, перегнувшись через стол, схватил д'Ашэ за глотку и, обведя вокруг стола, точно барана на веревке, бегом потащил за собой к дверям.

Таубе делал все молниеносно и рассчитывал свои действия по секундам. Д'Ашэ уже открыл ящик стола,

чтобы выхватить револьвер, но не успел. Не успеет и этот! Снизу вверх грохотали шаги. «Этот» влетел с площадки в кабинет, размахивая кастетом. Но Таубе уже стоял перед дверью, держа полупридушенного, покорного от ужаса стряпчего левой рукой за шею и едва давая ему дышать. Удар правым кулаком с зажатым в нем набалдашником пришелся консьержу в переносицу; он отлетел обратно на лестницу, с грохотом скатился вниз, и стало тихо.

Ротмистр развернул посеревшего, мелко дрожавшего д'Ашэ лицом к себе и очень внимательно посмотрел ему в глаза. Мэтр задрожал еще сильнее, хотел что-то сказать, но не мог, а только хрипел.

— Где? — только и спросил ротмистр, слегка ослабив хватку, и для большей убедительности несильно стукнул шантажиста набалдашником своей страшной трости по лбу. Тот обмер, чуть не упал, но, поняв, что его может спасти лишь одно, бегом кинулся отпираться несгораемый шкаф. Вынул дрожащими руками пачку перевязанных тесьмой писем и протянул барону.

— Вот... Здесь все. Я... я... я не...

— Понятно, что больше не будешь. Но если вздумаешь обмануть, от себя обещаю, не от императора, от себя лично, приду еще раз. В последний. Слово офицера.

Д'Ашэ часто-часто закивал, подобострастно и испуганно глядя на ротмистра бараными глазами, готовый ко всему, жалкий и ничтожный.

— Тьфу! — не выдержал Таубе и уже повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил что-то и вновь подошел к стряпчему.

— Чуть не забыл. Это тоже от меня лично. В наказание за твое поганое ремесло поломаю тебе твои поганые руки.

Он схватил шантажиста за правую кисть, потянул на себя, а затем дернул вниз с резким изломом. Уже спускаясь вниз, барон услышал идущий из кабинета вой, совсем собачий.

Через два дня Таубе входил в гатчинский кабинет императора. Посреди небольшой, квадратной и низкой комнаты с двумя окнами в сад стоял простой стол, покрытый до полу синим сукном, на столе — поднос с перьями, карандашами и писчей бумагой. Император встретил барона стоя. Таубе вручил ему письма его покойного брата. Александр Александрович вздохнул, подержал их секунду в своей огромной руке и убрал в бюро.

— Отдам Марии... потом. А вы расскажите, как все прошло.

Таубе четко, без лишних деталей описал сцену «переговоров» с шантажистом. И про Жака, и про наглый тон негодяя, и про сломанную руку. Последнее особенно понравилось императору.

— Значит, сломали ему ее, барон?

— Сломал, ваше величество. Пусть знает, каково мериться силами с вами, с Россией.

— Ха-ха! Вот молодец! Жаль, нельзя ему шею сломать, но хоть так...

Александр Третий задумчиво прошелся к окну и обратно. Потом сунул руку в карман своего генеральского кителя, порылся в нем и протянул Таубе большой серебряный портсигар со своим вензелем.

— Вот! От нас с императрицей в награду за образцово исполненное приватное поручение.

— Служу Отечеству, Ваше Императорское Величество!

— Позавтракаете сегодня с нами. И сейчас (император посмотрел на каминные часы) не уходите, наш разговор еще не окончен.

Он нажал кнопку звонка, в дверях тотчас возник камердинер.

— Зови.

В кабинет с портфелями в руках зашли начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев и директор канцелярии Военно-Ученого комитета генерал-майор Енгальчев.

— Садитесь, господа, — император усадил, после приветствия, всех троих вокруг стола, сел сам и сказал: — Начнем с того, на чем остановились в прошлый раз — с железных дорог. Что надумали?

— Я по-прежнему настаиваю, Ваше Величество, на развитии Полесской казенной дороги, — эмоционально заговорил Обручев. — Она стратегическая, без нее мы совершенно определенно не успеем отмотивироваться против Германии. Министр финансов, как всегда, этого не понимает. Ему удобнее мыслить узко: дебет, кредит, бюджетный дефицит. А как мы будем воевать — война же с германцами неизбежна! — это его не волнует, клистирная его душа!¹

И Обручев нервно стукнул портфелем по столу.

— Не сердитесь, Николай Николаевич! — добродушно успокоил государь своего генерала. — С Бунге я переговорю сам. Но и вы со своей стороны помогите мне в этом. Расскажите же подробнее — что именно нужно? в какие сроки?

— Виноват, Ваше Величество... Я понимаю соображения экономии и скажу лишь о самом важном. Основ-

¹ Министр финансов Н. Х. Бунге был внуком аптекаря.

ные магистрали Полесской дороги: Вильно — Ровно через Лунинец — Сарны и Брест — Брянск через Гомель надо сделать двухпутными к 87-му году. Кровь из носу, Ваше Величество.

Император отметил что-то в своем блокноте.

— Далее, Пинско-Жабинскую дорогу необходимо продлить до Ровно. Это крайне важная рокадная артерия, и, кроме того, по ней можно перевозить крепостную артиллерию к западным крепостям.

— Хм... Знали бы вы, Николай Николаевич, как это знаю я, сколько в русском хозяйстве таких вот крайне важных дел, на которые десятилетиями не хватает денег, — хмуро пробурчал в бороду император. — Казна до сих пор не отойдет после турецкой войны... Ну, ладно. Готовьте доклад на ближайшее заседание Особой комиссии по оборонительным сооружениям. Я его формирую. Теперь порох.

Енгальчев попытался встать, но Александр жестом остановил его.

— Вы по-прежнему настаиваете на Казани?

— Так точно, Ваше Величество. Казанский казенный пороховой завод с июня будет готов приступить к разработке, а затем и выделке бездымного пороха. Для запуска необходимо ассигновать 23 тысячи рублей, желательно побыстрее.

Император снова сделал пометку в блокноте.

— Ружья.

— Созданная в феврале «Особая комиссия по испытанию магазинных ружей» испытывает к настоящему времени четыре переделочных винтовки: Лутковского, Квашневского, Роговцева и Мосина. Наиболее интересен последний образец, хотя он еще требует доработки.

— Капитана Мосина?

— Так точно, начальника инструментальной мастерской Тульского оружейного завода капитана Мосина. Он представил пока лишь чертежи 4,2-линейной магазинной винтовки, но очень интересного замысла. Комиссия продолжает сбор и изучение отечественных и иностранных образцов.

— Хорошо. Держите меня в курсе этого вопроса. Далее. Крепости.

— Брест-Литовск и Ивангород строятся согласно плану. В июне начнутся первые работы по возведению совершенно новой крепости Осовец. Это будет лучшее в мире укрепление, Ваше Величество! А когда зложим Ковно и Новогеоргиевск, прикроем от германцев все Полесье.

— Кстати о германцах. Как они реагируют на реформу нашей кавалерии?

— Нервно, Ваше Величество, — ответил Енгальчев уже в качестве начальника военной разведки. — Их необычайно раздражает то, что мы перекомплектовали из четырехэскадронного в шестиэскадронный состав только те полки, которые стоят на нашей западной границе. А тут еще перевод артиллерии на конную тягу...¹ Германцы видят во всем этом целую систему враждебных к ним действий и готовятся ответить тем же. Мы ждем больших осложнений...

Император посидел минуту молча, ковыряя свою огромную ладонь. Генералы и Таубе переглянулись, но тоже молчали.

¹ Пешая артиллерия с начала 80-х гг. переводилась на конную тягу по штату мирного времени (раньше она получала упряжи лишь во время военных действий), в первую очередь в западных округах.

— Ладно, хрен с ними! — сказал наконец государь. — Хочешь мира — готовься к войне. Теперь перейдем к вопросу, который касается нашего всеми любимого ротмистра.

И иронично при этом хмыкнул. Генералы также дружно, незлобливо ухмыльнулись, Таубе скорчил гримасу. Император имел в виду последнюю выходку барона. Тот отказался перевестись из Корпуса жандармов в гвардию, хотя Его Величество настаивал на этом, и перешел в армейскую кавалерию. Общеизвестно, что вся армия дружно ненавидела гвардейцев даже не за преимущество в один чин, а именно за отсутствие «у них» звания подполковника. Ротный или эскадронный командир, пусть даже и заслуженный офицер, очень уж скоро получал там в погон два просвета. Таубе этой неприязни не желал и вместо возвращения в кавалергарды прикомандировался к славному Нижегородскому драгунскому полку, заведомо отодвигая от себя на лишние шесть лет калоши¹.

— Как, генерал, — обратился государь к Енгальчеву, — забыли уже англичане ту обиду, что нанес им барон тогда в Лхасе?

— Да бес бы с ними, даже если и не забыли, Ваше Величество. Пора ротмистру возвращаться на Крышу мира. И наплевать нам при этом на Альбион четыре раза...

— Правильно. Итак, барон, настала ваша очередь вернуться туда, откуда вы временно по необходимости отлучились.

Таубе глянул на всех сразу повеселевшим взором, придвинулся к столу; под ним тонко дзенькнула шпора.

¹ *Калоши*, как и папаха, полагались в российской армии полковникам и генералам.

— Ишь, как копытом-то бьет, — повернулся государь к Обручеву. — Молодой, ни черта не боится. Только нет там, барон, ничего веселого. Наглеют англичане, и за Индию свою дрожат, на хрен она нам не сдалась... Трудно нам на Памире, с сильным противником бодаемся, а не бодаться нельзя! Туркестан — огромный кипящий котел. Русская власть там пока только на бумаге. Не защитим ее, не выставим в горах твердой границы — все потеряем, и хлопка опять не будет, и рынки от наших мануфактуристов уйдут. Главное же — подстрекаемый англичанами Афганистан. Коканд он в покое не оставит, и будет на наших южных границах не прекращающийся десятилетиями пожар... Понимаете, Виктор Рейнгольдович, что это такое? Огромная пороховая бочка под нашим боком, фитиль — в Кабуле, а спички в Лондоне.

— Понимаю, Ваше Величество. Прикажете отбыть немедленно?

Император посмотрел на Енгальчева, тот раскрыл лежащую перед ним папку и подвинул ее к Таубе:

— Несколько дней на подготовку и ознакомление с ситуацией мы вам, конечно, дадим. Положение и впрямь очень серьезное. Британцы действительно обнаглели: наши владения кишат шпионами. Пундиты — специально подготовленные туземные топографы — скрытно ведут картографирование местности, изыскивают караванные пути, переходы через перевалы, броды, проходимые для артиллерии дороги, и так далее. Большая Съемка¹ весьма оживилась: она гото-

¹ Подразделение британской военной разведки, расположенное в городе Дехра Дун в предгорьях Гималаев и отвечающее за «Большую Игру» — англо-русское противостояние 1860—1890 гг. на Крыше мира (Памире).

вит и засылает в Кашгарию и Восточный Туркестан по пятьдесят новых пундитов ежегодно. Крыша мира, эта спорная территория между нами и британцами, быстро англизируется; пора поставить этому заслон. Мы наращиваем наше военное присутствие на Памире. В рамках этой программы вы, барон, едете туда для вступления в должность начальника разведочного отделения — старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. С присвоением, кстати, вам за отличие звания майора¹.

Все, как по команде, встали и пожали Таубе руку, причем первым это сделал сам государь.

Таубе, серьезный и собранный, молча поклонился, взял енгальчевскую папку и вышел из царского кабинета. Оставшиеся до завтрака полчаса он изучал в помещении охраны секретные бумаги. За простым, но сытным завтраком с императорской четой, Обручевым, Енгальчевым и дежурным флигель-адъютантом говорили только о недавней коронации. Освободившись наконец, барон приехал на двенадцатичасовой машине из Гатчины в столицу. Первым делом он купил в магазине офицерских вещей на Невском майорские погоны с двумя просветами и двумя звездочками. Следовало, по обычаю, sprysnut'ь новое звание. Как говорит Лешка Лыков, целковому голову свернуть. Но с кем? Лучше всего, конечно, с тем же Лыковым. Последний раз они виделись месяц назад, когда шлялись по городу втроем — третьим был Федька Таубе, кузен и тоже барон, — и горячо при этом спорили. Подъесаул

¹ В 1861—1884 гг. в российской армии капитаны (ротмистры, есаулы) производились в майоры не по выслуге лет, а исключительно за отличие (что привело, кстати, к «перепроизводству» капитанов).